

КОПИЯ

Рига 1940

Января

4

ЦЕРКОВЬ В СССР ПЕРЕД ВОЙНОЙ.

Большевики поставили себе целью уничтожить христианство. Отказ от этой задачи был бы для большевизма равносителен самоупразднению. Такой отказ немыслим. Это ясно всякому, кто отдает себе отчет в сатанинской сущности большевизма.

Откуда же берутся речи о том, будто большевизм пошел на примирение с христианством и яко-бы выступает даже его защитником? Эти слухи распускают сами же большевики, которые, по обстоятельствам времени, считают такую маскировку выгодной для себя. Они ведь и раньше, в интересах своей заграничной пропаганды, притворялись, будто не подвергают Церковь гонениям. Ложь, наравне с насилием, всегда была излюбленным оружием их политики.

Кроме лжи и насилия, большевизм никакими средствами не располагает. Только ими он и борется против христианства. Этими рычагами он пытался выкорчевать из русской души православную веру. Но русская душа веры своей не отдала. И потому на русское будущее можно смотреть с упованиям.

На страже русской души стояла и стоит Православная Церковь. Она то и приняла на себя страшнейшие удары большевизма. Он подверг ее злейшим насилиям и опутал губительным обманом. Но он же разжег в ней ответную силу исповеднического и мученического подвига. И эта духовная сила, сила праведности, необорима. На развалинах пылает огонь веры, который вновь воздвигнет из них храм.

Свои удары большевизм направил на все стороны церковной жизни. Он разогнал, сослал, истребил почти все духовенство и выделявшихся своей церковной работой мирян; закрыл все монастыри и почти все храмы; ликвидировал все учебные и благотворительные учреждения Церкви; экспроприировал церковные имущества; запретил церковную печать; лишил верующих права вести религиозную пропаганду, т.е. права защищать и распространять свою веру; организовал и повел неистовую пропаганду безбожия.

Особые усилия большевизму приложил к тому, чтобы разрушить внутреннюю организацию Церкви. Для этого он, прежде всего, поставил ее в положение организации нелегальной, государственно непризнанной. Поместная Церковь, ее каноническое устройство, ее иерархия, ее органы, ее вчененность в Церковь Вселенскую, ее подразделение на епархии, благочиния, приходы, — все это понятия неизвестные советским законам, понятия, ссылаясь на которые в сношениях с советской властью юридически непозволительно и практически бесполезно.

Легально существуют в Советском Союзе только т.н. "двадцатки" заведывающие отдельными храмами, да еще Патриархия, подчиняться которой эти двадцатки отнюдь не обязаны. По крайней мере, так было до войны. С тех пор, может быть, произошли в этом отношении какие-либо декоративные перемены, о которых, однако, мне ничего определенного неизвестно, и говорить о которых я поэтому не могу. Говорю я только о том, что мне известно по собственному опыту, приобретенному в военные годы, когда я лично участвовал в трудах Патриархии. Но я не сомневаюсь, что, если в положении Церкви и произошли какие-то перемены, то, со стороны большевиков, они являются лишь новой симуляцией, новой формой злостного обмана,

которым большевики всегда окутывали свое отношение к Церкви. По существу ее положение не могло измениться и, конечно, не изменится, пока в России владычествуют большевики.

Что такое "двадцатка"? Это двадцать граждан или гражданок, в распоряжение и под личную ответственность которых государство, на крайне тяжелых условиях, временно передает национализованный храм для устройства в нем общественных богослужений. Осуществляемое в таком порядке открытие храма для совершения в нем священнодействий зависит от местной "комиссии по вопросам культов". От нее же зависит в любой момент закрыть храм, из "яв таковой из распоряжения соответственной двадцатки. Равным образом, комиссия может, не закрывая храма, передать его из ведения одной двадцатки в ведение другой, хотя бы и не принадлежащей к тому же исповеданию или, в подлежащих случаях, к той же, по советскому выражению, "религиозной ориентации". Этим правом комиссии культов широко пользовались, например, когда они насильственно отбирали храмы у верующих "тихоновской ориентации" и передавали их сторонникам "ориентации обновленческой".

В состав комиссии культов вводятся почти исключительно партийцы, состоящие в Союзе безбожников. Комиссия имеет целью удушить религиозную жизнь населения, над которой ей и поручается вести строжайший надзор. В частности, комиссия ведет регистрацию всего местного духовенства. Надо иметь при этом в виду, что, по советским законам, право священнодействовать предоставляется только священнослужителям, зарегистрированным в соответственной комиссии культов, причем они могут осуществлять это право исключительно в том храме, в священнослужители которого их эта комиссия зачислила, — священнодействовать в других храмах или вне храмов им строжайше возвращается.

Двадцатка находится фактически в полной зависимости от комиссии культов. В состав двадцатки непременно вводятся советские агенты, которые и доносят своему начальству обо всем, что творится в храме, о поведении духовенства и верующих. Малейшей неосторожности или неисправности в соблюдении тех условий, на которых храм передается в заведывание двадцатки, достаточно для того, чтобы храм был закрыт, и чтобы зарегистрированные при нем священнослужители, члены двадцатки и другие, связанные с храмом, лица были сосланы.

Храм должен содержаться двадцаткой в исправности и подлежит закрытию, если власти найдут, что он не ремонтируется должным образом. Это всегда дает властям возможность, составив для видимости соответственный официальный акт, закрыть храм под тем предлогом, что он яко-бы грозит обрушиться на посетителей. Произвольно закрывая храмы под таким ложным предлогом, большевики утверждают, будто эта мера вовсе не является актом борьбы с религией, но клонится исключительно к безопасности верующего населения.

Использование храма для богослужений рассматривается, по существу, как доходное предприятие двадцатки, как извлечение ею и духовенством предоставленной выгода из "религиозных предрассудков" населения или, лучше сказать, как своего рода постыдный промысел, который государство временено признает нужным терпеть. Но, оказывая такую снискодительность укоренившемуся "пороку религиозности", государство стремится обезвредить его хотя бы в материальном отношении и потому взыскивает с храма или, точнее говоря, с двадцатки огромный налог, существующий поглотить весь чистый доход этого "религиозного предприятия". Размер налога определяется вполне произвольно, причем просрочка в его уплате влечет за собой закрытие храма. Это позволяет властям, с соблюдением видимой законности, назначать заведомо непосильные налоги и, под предлогом их неуплаты, закрывать храмы, опять таки утверждая, будто это делается не ради борьбы с религией, но исключительно ради защиты материальных интересов верующего населения от эксплуатации его "религиозными спекулянтами". Большинство храмов были закрыты именно таким способом.

Столь же непомерные, произвольно исчисляемые налоги взыскиваются со священнослужителей. Доход священнослужителя рассматривается как не-трудовой и, как бы сказать, надувательский. Налог имеет целью из "ять

у священнослужителя этот "постыдный" доход, оставив ему лишь прожиточный минимум. На этом основании большевики утверждают, будто и налоговый пресс, давящий священнослужителей, отнюдь не служит мерой борьбы с религией, но является лишь необходимым средством социальной самозащиты против алчности "попов". Священнослужитель, в срок не уплативший налога, исключается из регистрационного списка и тем лишается права совершать общественные богослужения. Провизвольно повышая ставку налога, можно каждого священнослужителя, как бы верующие ему не помогали, довести до того, что он окажется не в состоянии уплатить налог, и под этим предлогом, опять таки с соблюдением видимой законности, удалить священнослужителя из храма. В большинстве случаев власти именно таким образом избавляются от наиболее популярных и авторитетных священнослежителей, отказывающихся итии к ним в услужение и, вместе с тем, настолько осторожных, что оказывается невозможным, хотя бы с тенью правдоподобия, предъявить к ним какое-либо политическое обвинение.

Впрочем, нередко политические обвинения предъявляются священнослужителям без малейших к тому оснований. Неугодного священнослужителя по-просту обвиняют в контр-революционных действиях, которых он никогда не совершал, или поподозрениях, которых он никогда не имеет, судят его за это и затем ссылают или казнят. Разумеется, большевики и об этой практике своей твердят, что она отнюдь не является мерой борьбы с религией, а лишь тем оружием, которым революционный народ защищается против своих политических врагов. Ведь, по букве закона, священничество, как такое, еще не является уголовным преступлением, — в чем, собственно, и усматривается пресловутое "обеспечение свободы культа", — и формально кара постигает священнослужителей не за это, а за какое-либо иное деяние. В действительности же священнослужителей преследуют именно за их церковную деятельность, но, по указке сталинской конституции, притворяются, будто их преследуют за преступления, с этой деятельностью не связанные.

Священничество, как уже упоминалось, разрешается не иначе, как в открытых для сего храмах. За священничество в других местахлагаются кары. Тайное священничество сопряжено поэтому с большим риском. Из "ятым" из регистрационного списка священнослужитель оказывается в невозможности продолжать свое служение и лишается средств пропитания. Найти другую работу ему трудно, потому что он считается социально опороченным своей принадлежностью к духовенству. Эта опороченность распространяется и на его детей. Чтобы найти себе пропитание и облегчить участь детей, он вынужден скрывать свое прошлое и, при поступлении на работу, заполнять обязательные анкеты ложными показаниями. Это связано, опять таки, с большим риском, потому что разоблачение неминуемо влечет за собой жестокую расправу.

Самое назначение священнослужителя к храму зависит формально от двадцатки, нанимающей его за известную плату. Но, по существу, решающее слово принадлежит комиссии культов, которая может, по своему усмотрению, отказать священнослужителю в регистрации. Не заручившись предварительно согласием комиссии, не стоит и представлять священнослужителя к регистрации. Таким образом, весь клир находится в полной зависимости от произвола большевиков, которые одних допускают к легальному священничеству, а других устраниют, естественно предпочитая худших.

При таких условиях, зарегистрированный священнослужитель живет в непрестанном ожидании репрессий. Он с трепетом, денно иночно, ожидает ареста, за которым может последовать ссылка или казнь. Страх перед арестом так велик, что люди, не обладающие выдающейся силой нравственного характера, готовы итии на всяческие сделки с совестью и пресмыкаться перед большевиками, только бы последние оставили их в покое. Поэтому в уцелевшей части зарегистрированного духовенства сравнительно мало остается людей подлинно стойких, несломленных гнетом, до конца верных своему высокому призванию.

Зарегистрированный при храме священнослужитель обязуется совершать в нем богослужения и требы. Официально только к этому и сводится его роль. Никакой власти ему не принадлежит. Административных прав он не

имеет. Всем распоряжается и ходит на службу, имеющая полную возможность помыкать священнослужителями по своему произволу. Никакому контролю со стороны прихожан она не подлежит. Она и им навязывает свою волю. Поэтому все зависит от личных свойств ее состава и от умения настоятеля ладить с нею. Если состав двадцатки подберется хороший, и если настоятель обладает достаточным нравственным авторитетом, то и все идет, более или менее, благополучно. В таком случае двадцатка превращается как бы в приходский совет при настоятелем, который, вразрез с официально-юридическим положением вещей, фактически управляет приходом и его жизнью. В противном случае, когда двадцатка состоит из людей лишенных церковной стойкости и дисциплины, своеобразных и своеобразных, а это нередко бывает именно так, — жизнь прихода становится крайне уродливой, она совершенно уходит из под контроля священнослужителей, и они не имеют никакой силы и возможности исправить ее.

При таких условиях комиссии культов достаточно завладеть двадцаткой, чтобы, по ее же просьбе и вопреки воле прихожан, зарегистрировать при храме обновленческого священника вместо православного, т.е. отнять храм у Православной Церкви и передать его обновленцам, этим схизматикам или, лучше сказать, еретикам, далеко отступившим от чистоты Православия и, вместе с тем, явно ставшим агентами большевиков. Напомним, что еще Патриарх Тихон запретил обновленческих клириков в священнослужении, и что все они, как нарушившие это запрещение, лишились сана. Равным образом, двадцатка может, сговорившись с комиссией культов, зарегистрировать при храме, в качестве священнослужителя, такое лицо, которое, хотя и не принадлежит к обновленцам, но все же, по канонам Православной Церкви, не имеет права священничествовать, — например, клирика за какие-либо проступки запрещенного архиерейской властью в священнослужении или лишенного сана или даже просто самозванца, никогда в священном сане не состоявшего. Комиссия культов, призванная вести борьбу с Православием, всегда с особой охотой соглашается на регистрацию такого лица или прямо подстрекает и заставляет двадцатку ходатайствовать о его регистрации. Противодействовать такому проникновению разных приходимцев в приходской клир архиерейская власть не может.

Дело в том, что архиереи, по советским законам, вообще никакой власти не имеют. В этом отношении нелегальное положение Церкви оказывается на ее жизни особенно болезненно. Бесправие архиереев обясняется тем, что большевики совершенно игнорируют епископальный, иерархический строй Православной Церкви и вообще не признают за ее канонами ни малейшей юридической силы.

Принционально большевики рассматривают каноны, как организационные правила нелегального, т.е., строго говоря, запретного сообщества. Церковь существует в Советском Союзе лишь как противозаконный факт, — признанного государством права на существование она не имеет. Поэтому в официальном советском языке отсутствует даже и самое выражение "Православная Церковь". С точки зрения советских законов, Православная Церковь, как легально организованного целого, вовсе нет, а есть только разрозненные и, при том, неорганизованные группы верующих "тихоновской ориентации", которым и разрешается, при соблюдении определенных законодательных условий, собираться на богослужения в отведенных для сего храмах. Те из них, кто зарегистрирован при соответственном храме, как "служители культа", имеют право совершать в нем, по желанию им обряду, "культовые действия", а прочие имеют право при совершении этих действий присутствовать. Других прав они не имеют. Только в этом и состоит "свобода культа", признанная сталинской конституцией.

Из сказанного раньше можно было убедиться в том, что "свобода культа" обставлена условиями, делающими ее совершенно призрачной, ничем не обеспеченной и на практике постоянно и свирепо нарушаемой. Теперь же надлежит особо подчеркнуть, что "свобода культа" отнюдь не означает свободы веры или религиозной совести. В частности, "свобода культа" не дает ни малейшего права на то, чтобы организовать жизнь религиозного сообщества на основе его вероисповедания, ни даже права на то, чтобы такие сообщества вообще существовали. Культ вырывается из общей связи религиозной жизни, причем его отправление разрешается при одновременном запрете всех прочих обнаружений этой жизни.